

ПОЛУГОДОВЫЕ ДОНЕСЕНИЯ ГУБЕРНСКИХ ЖАНДАРМСКИХ ШТАБ-ОФИЦЕРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1830-х гг.

Г.Н. Бибиков

Аннотация. Статья посвящена анализу комплекса полугодовых донесений губернских жандармских штаб-офицеров 1830-х гг. В статье рассмотрены предпосылки и обстоятельства появления циркуляра шефа жандармов от 8 февраля 1832 г., который послужил отправной точкой становления жандармской отчетности. Показана сохранность источникового комплекса применительно к 1830-м гг., рассмотрен порядок представления донесений и специфика их структуры. Отдельное внимание уделено жандармским характеристикам губернаторского корпуса и высшего губернского чиновничества в целом. Отмечено, что в III отделении донесения служили для пополнения картотеки на служащих и оповещения министров и генерал-губернаторов о злоупотреблениях чиновников. Полугодовые донесения выступают важным источником по истории местного управления дореформенной эпохи, при этом они носят субъективный характер, отражают личные симпатии и антипатии жандармов и часто несут на себе отголосок негласного противостояния с губернаторами.

Ключевые слова: Российская империя, местное управление, губернаторский корпус, бюрократия, источниковедение, Корпус жандармов, жандармы, III отделение, полугодовые донесения.

Бибиков Григорий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, grigoriy_bibikov@mail.ru.

SEMI-ANNUAL REPORTS OF THE PROVINCIAL GENDARME STAFF OFFICERS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF LOCAL GOVERNMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1830s

G.N. Bibikov

Abstract. The article is devoted to the analysis of semi-annual reports of provincial gendarme staff officers as a source on the history of local government of the Russian Empire in the 1830s. The article examines the preconditions and circumstances of the appearance of the circular of the chief of gendarmes on February 8, 1832, which served as the starting point for the formation of gendarme reporting. The procedure for submitting reports and the specifics of their structure are considered. Special attention is paid to the gendarme characteristics of the governor's corps and the highest provincial bureaucracy. The reports were received in the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery and served as a source of information for the card index of provincial employees. Semi-annual reports are an important source on the history of local government in the pre-reform era, and at the same time, they have to be considered subjective as they reflect personal sympathies and antipathies of gendarmes and sometimes carry an echo of their confrontations with governors.

Keywords: Russian Empire, local government, governors, bureaucracy, Corps of gendarmes, Third Section, semi-annual reports, gendarmes.

Учреждение III отделения Собственной его императорского величества канцелярии (далее — III отделение) и Корпуса жандармов в начале правления императора Николая I не в последнюю очередь было вызвано стремлением верховной власти наладить постоянный негласный надзор за губернской администрацией. «III отделение должно было бы стать конкурентом Сената по надзору за местным управлением, — писал историк и правовед И.А. Блинов, — и притом конкурентом весьма деятельным и хорошо осведомленным, так как оно имело специальные, исключительно ему подчиненные органы на местах — жандармских офицеров» [История Правительствующего Сената..., 1911, с. 546]. А.В. Ремнев пришел к выводу, что жандармы выступали в роли «агентов» верховной власти, контролируя местную администрацию [Ремнев, 1995], а А.Н. Бикташева на примере истории казанского губернаторства второй четверти XIX в. показала, как «перевод административного надзора в III отделение свел участие Сената и Комитета министров к формальностям делопроизводства. В коммуникативном пространстве власти жандармские штаб-офицеры получили равный голос наряду с ее первыми лицами» [Бикташева, 2012, с. 413; см. также: Романов, 2014].

С начала 1830-х гг. основной формой отчетности губернских жандармских штаб-офицеров выступали полугодовые донесения по наблюдению за чиновниками и помещиками. Историки привлекают этот источник преимущественно для изучения губернской администрации николаевской эпохи [Зайончковский, 1975]. Н.П. Матханова сравнила возможности губернаторских отчетов и жандармских донесений для изучения местного управления 1850–1860-м гг. [Матханова, 2000; см. также: Бибииков, 2016] Меньше внимания уделялось обстоятельствам становления жандармской отчетности, источниковедческому анализу полугодовых донесений в контексте негласного надзора за местной администрацией 1830-х гг. Рассмотрению этих вопросов посвящена настоящая статья¹.

Привлечение жандармов к наблюдению за губернским чиновничеством протекало в общем русле усиления внимания столичных властей к положению дел на местах. В отзыве на один из первых журналов Комитета 6 декабря 1826 г., учрежденного с целью «обозреть все части управления и наметить правила к лучшему их устройству» [Кизеветтер, 2006, с. 383], Николай I выразил убежденность в «необходимости не отлагать исправления, так сказать, *снизу* (курсив в тексте публикации — Г.Б.), ибо если и в высших местах существуют замешательства и беспорядки, то при ближайшем наблюдении здесь много может быть исправлено и зло бывает менее ощутительно, нежели на всем пространстве государства, где нельзя иметь везде равного надзора и где неурядица всякого рода могут почти ненаказанно продолжаться» [Журналы Комитета..., 1891, с. 96–97].

По «Положению о Корпусе жандармов» 1827 г. Европейская Россия была поделена на пять жандармских округов с управлениями в Петербурге, Москве, Вильно,

¹ Краткие тезисы на эту тему см.: [Бибииков, 2016].

Полтаве и Симбирске¹. На территории округов были устроены отделения во главе со штаб-офицерами. Каждое отделение включало в себя от одной до трех губерний, общее их число достигло 26. Начальники округов координировали взаимодействие между III отделением и начальниками отделений.

В конце 1826 г. в руководство первым штаб-офицерам была дана секретная инструкция, которая в общих чертах определяла круг их служебных полномочий. Жандармам вменялось в обязанность обращать особое внимание на «злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки», следить, чтобы права «граждан» не нарушались «чьей-либо личной властью или преобладанием сильных лиц» [Шильдер, 1997, с. 473–474]. Дополнительная секретная инструкция уточняла порядок взаимодействия с губернскими властями: штаб-офицеру следовало ограничиваться надзором, не вмешиваясь в служебные дела [Деревнина, 1973, с. XI–XIII]. Николай I так определил полномочия этих чинов: «Штаб-офицеры сии будут составлять род чиновников по особенным поручениям и не могут ни в каком случае полагать преграды в действиях местного губернского начальства, или в чем бы то ни было затруднять их, ибо сим жандармским начальникам не будет присвоено никакой власти и обязанности их состоять должны в доставлении сведений сюда и губернаторам о том, что до них доходит или ими открыто будет» [Журналы Комитета..., 1891, с. 47].

До начала 1830-х гг. жандармский надзор чаще принимал форму ревизионных объездов губерний, штаб-офицеры представляли записки об общем положении дел на местах и описания местных учреждений, включая характеристики служащих [Дамешек, Кодан, Шавров, 1988; Бибииков, 2019]. В ноябре 1827 г. в III отделение был доставлен анонимный донос на калужского губернатора князя А.П. Оболенского и его приближенных. Жандармский майор П.И. Шварц получил указание негласно удостовериться в основательности показаний и доставил список чиновников с краткими характеристиками. Губернатор, по мнению Шварца, «человек кроткий, хороший и отлично благонамеренный. Это правда, что он большею частию имеет невыгодные об себе мысли, но они поверхностны и неосновательны». В отношении полицмейстера жандарм указал: «Нельзя, чтобы по месту не имел он своих выгод, только не в такой мере, как сей извет вообще показывает» [ГАРФ, ф. 109, оп. 2, д. 383, л. 29–30].

По материалам таких донесений служащие III отделение готовили справки и ведомости. В конце 1829 г. шеф жандармов А.Х. Бенкендорф дал распоряжение «собрать всё, что нам известно по Тульской губернии». Из жандармских записок был составлен «Список чиновникам, дворянам и купечеству Тульской губернии».

¹ С 1827 г. в делопроизводственной документации округа Корпуса жандармов обозначались по порядковым номерам. В дальнейшем в первую «Роспись Корпуса жандармов по округам и отделениям» вносились изменения. В 1831 г. окружное управление было переведено из Симбирска в Казань, в 1837 г. – из Полтавы в Одессу. В 1832 г. был учрежден 3-й округ в Царстве Польском, в 1833 г. – 7-й округ в Сибири, в 1837 г. – 6-й округ на Кавказе. Во избежание путаницы округа именуются в статье по названию города, в котором было расположено окружное управление.

Бывший губернатор Н.С. Тухачевский выведен там как «человек слабый, неспособный и пристрастный», а вице-губернатор К.И. Васильев, «судя по ежемесячной плате его губернатору может почтяться благонадежным чиновником» [ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 128, л. 14]¹.

В III-ем отделении не имели сведений из тех губерний, где отсутствовали управления жандармских штаб-офицеров. В марте 1828 г. на неудобства такого положения указал начальник московского округа Корпуса жандармов А.А. Волков, и Бенкендорф предписал штаб-офицерам находиться в каждом губернском городе их отделения поочередно в течение четырех–шести месяцев [ГАРФ, ф. 109, оп. 2, д. 207, л. 5]. Однако в феврале 1829 г. в рапорте на имя военного министра А.И. Чернышева шеф жандармов признал: «Я имею подробные сведения только из тех губерний, где штаб офицеры имеют всегдашнее жительство, посему я полагаю полезно будет назначить в каждую губернию по штаб офицеру» [ГАРФ, ф. 110, оп. 2, д. 157, л. 2]. Замещение новых должностей растянулось на два–три года, к началу 1830-х гг. во всех губерниях, входивших в состав округов Корпуса жандармов, были созданы управления жандармских штаб-офицеров.

Очевидно, расширение штатов жандармского ведомства позволило упорядочить сбор сведений о положении дел в местном управлении. 8 февраля 1832 г. Бенкендорф направил секретный циркуляр начальникам петербургского, московского и казанского округов, а также штаб-офицерам губерний виленского и полтавского округов²: «Дабы иметь сведения, сколь возможно справедливые и беспристрастные о действиях и степени доверенности, коею пользуются различные чиновники в губерниях служащие, равно гг. помещики и другие сословия, признаю я нужным предложить вашему превосходительству, дабы вы предписали всем гг. штаб офицерам вверенного вам округа обратить самое бдительное внимание на тех из гг. чиновников, помещиков, купцов и другие сословия, которые своим званием, или богатством, связями, умом, просвещением, или другими достоинствами имеют дурное или хорошее влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания». Направлять сведения в Петербург следовало два раза в год: «Срок доставления ко мне сих донесений определяется 1м числом июля и 1м же числом января каждого года, и гг. штаб офицеры должны отправлять ко мне сии донесения в первых числах упомянутых месяцев». Циркуляр в общих чертах определял порядок сбора информации: «Дабы не обременять гг. штаб офицеров поспешным собранием тех сведений, которые я от них требую, и чтобы сею поспешностью не заставить их основывать своего заключения на одних слухах, часто недостоверных, предоставляется им право в первых донесениях, которые я должен получить от них в июле месяце, предоставить мне заключение только

¹ Составление «ведомостей» на чиновников практиковалось в других ведомствах. В 1833 г. по указанию Николая I главные начальники Западного края представили ведомости о местных служащих почтового ведомства, в особой графе были отмечены замечания о деятельности чиновников «вне круга их службы по образу мыслей и правил» [Камзолова, 2018, с. 103].

² На тот момент места начальников виленского и полтавского округов были вакантны.

о некотором количестве чиновников и помещиков, которые им ближе известны и о коих могут сделать безошибочное донесение, и таким образом, мало по малу, пополнить следующее донесение так, что в течение года гг. штаб офицеры, при усердном старании узнавать обстоятельно о тех предметах, которые мне знать нужно, будут иметь возможность сообщить мне подробно о всех главнейших лицах, в губерниях проживающих». Распоряжение следовало сохранять, «сколько возможно, в тайне». Шеф жандармов уведомлял штаб-офицеров, что «по степени справедливости их заключений» он будет судить «о их способностях, усердии и о том беспристрастии, с которым они будут делать свои наблюдения» [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 3–5].

Из управления петербургского округа предписание штаб-офицерам было разослано 10 февраля, из московского – 16 февраля, из казанского – 3 марта. Эти предписания не дословно следовали тексту циркуляра 8 февраля. Начальник московского округа предлагал штаб-офицерам вести в течение года «сколь возможно основательные и ясные записки..., таким образом постепенно приготавливая составление повеленных ведомостей» [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 8], – тогда как в циркуляре слово «ведомость» отсутствовало. В дальнейшем со сменой начальника округа штаб-офицеры получали подтверждение о доставлении донесений в срок.

Делопроизводство по циркуляру 8 февраля вели служащие управления Корпуса жандармов, в начале июля 1832 г. бумаги были переданы управляющему III отделением. Тогда же в Петербург поступили первые полугодовые донесения из губерний, но в архивном деле отложился только отчет из Твери [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 12–16]. С 1833 г. донесения за год подшивались в папку под заголовком «Сведения о чиновниках и других лицах, в губерниях находящихся». Эти материалы хранятся в составе фонда III отделения в Государственном архиве Российской Федерации¹. В деле за 1833 г. отложилось 44 донесения от 27 штаб-офицеров², в деле за 1835 г. – донесения от 14 штаб-офицеров³, за 1837 г. – от 16⁴, за 1838 г. –

¹ Дело за 1834 г. не сохранилось, дело за 1836 г. в настоящее время исследователям не выдается. Также не сохранились дела за 1840–1843 гг.

² Виленская, Владимирская, Вологодская, Вятская, Казанская, Калужская, Костромская, Курляндская, Курская, Лифляндская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пермская, Подольская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Эстляндская, Ярославская губернии, Великое княжество Финляндское, Белостокская область и г. Дерпт.

³ Вологодская, Вятская, Курляндская, Курская, Лифляндская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Тамбовская, Тобольская, Тульская, Эстляндская губернии, Великое княжество Финляндское и г. Дерпт.

⁴ Архангельская, Виленская, Вятская, Курляндская, Курская, Лифляндская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Пермская, Таврическая, Тамбовская, Тверская губернии, Великое княжество Финляндское, Белостокская область и г. Дерпт.

от 22¹, за 1839 г. — от 20². Сводные дела аккумулировали основной массив донесений 1830-х гг., но отдельные отчеты попадали в другие бумаги [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 185, л. 1–2].

В 1830-е гг. сведения регулярно поступали из губерний, входивших в состав петербургского жандармского округа (Курляндская, Лифляндская, Новгородская, Олонецкая и Эстляндская губернии, Дерпт и Великое княжество Финляндское), относительно полно представлены губернии московского (Калужская, Орловская, Рязанская, Тульская и Ярославская) и казанского округов (Казанская, Курская, Пензенская и Пермская). Меньше отчетов приходило из виленского и полтавского округов. В 1835 г. в Петербурге было получено донесение из Тобольской губернии, входившей в состав жандармского округа в Сибири, учрежденного в 1833 г. Донесений из варшавского и тифлисского округов, созданных, соответственно, в 1832 г. и 1837 г., не выявлено.

В 1837 г. ряд южных губерний империи были в полицейском отношении временно подчинены надзору инспектора всей резервной кавалерии графа И.О. Витта. 18 октября 1837 г. Витт предписал губернским жандармским штаб-офицерам доставить к концу года донесения по следующим предметам: «1е. о действиях чиновников, коих власть в большей или меньшей степени относится к их лицу по должностям ими занимаемым. 2е. Какой дух между помещиками и другими сословиями жителей. 3е. Какое влияние имеют помещики на крестьян в отношении прав и нравственности их, с замечаниями по губернии» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 33]. В марте 1838 г. Витт направил в III отделение копии донесений по Волынской, Екатеринославской Подольской, Таврической, Харьковской и Херсонской губерниям, а также из Одессы. Тематически они близки к полугодовым донесениям, хотя их содержание несколько шире.

Штаб-офицеры направляли донесения в Петербург при рапорте шефу жандармов, только начальник московского округа предварительно знакомился с бумагами. Представляя донесения за вторую половину 1838 г., генерал-майор С.В. Перфильев не удержался от краткого комментария: «От штаб-офицера Рязанской губернии, находящегося там хотя еще недавно, доставленные сведения о лицах (по известности мне тех лиц) весьма верны, что показывает как внимательность сего штаб-офицера, так и верность взгляда его и соображений, каких только можно желать для пользы службы от офицера Корпуса жандармов» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 249е, л. 145]. В 1831–1836 гг. Перфильев служил рязанским гражданским губернатором.

¹ Владимирская, Казанская, Курляндская, Курская, Лифляндская, Могилевская, Московская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Подольская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Таврическая, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Эстляндская, Ярославская губернии, Великое княжество Финляндское и г. Дерпт.

² Витебская, Казанская, Калужская, Костромская, Курляндская, Лифляндская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Симбирская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Харьковская, Черниговская, Эстляндская, Ярославская губернии, Великое княжество Финляндское и г. Дерпт.

В 1843 г. начальник сибирского округа генерал-майор Н.Я. Фалькенберг, «в отвращение могущих встретиться противоречий», просил Бенкендорфа предоставить и ему возможность знакомиться с полугодовыми донесениями штаб-офицеров. Любопытна аргументация Фалькенберга: «Сколь бы штаб-офицеры ни были беспристрастны в своих заключениях, однако весьма естественно, что их мнения могут быть иногда ошибочны; переходя же таковые их донесения чрез начальника округа, которому также вполне известны жители вверенного округа, они могут быть исправляемы и тогда уже Ваше сиятельство изволите иметь безошибочные подобные сведения» [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 22об.]. Бенкендорф, однако, не изъявил на это согласия.

Во время продолжительного отсутствия штаб-офицера в губернском городе составление полугодового донесения могло быть доверено его адъютанту в обер-офицерских чинах, положенному по штатам губернского управления. Так, донесение по Тульской губернии за первую половину 1835 г. подготовил поручик Лихачев, по Архангельской губернии за первую половину 1837 г. — капитан Роде.

Циркуляр 1832 г. не включал формуляра полугодового донесения, не был внятно определен круг лиц, сведения о которых ожидали получить в III отделении. Порядок представления донесений, их внешнее оформление и содержание сильно разнились.

В первом донесении по назначении в губернию штаб-офицер обычно ограничивался отпиской, ссылаясь на недостаток времени. «Я по недавнему исправлению обязанностей пензенского штаб-офицера не могу сделать основательного и безошибочного заключения как о лицах, состоящих на службе в Пензенской губернии, так и о помещиках, пользующихся особенною доверенностью и имеющих влияние на производство дел» [ГАРФ, ф. 109, оп. 12, д. 267е, л. 154], — рапортовал подполковник А.О. Арсеньев 12 января 1837 г.

Многие штаб-офицеры представляли характеристики на пять–десять лиц, постепенно дополняя первоначальные сведения. Так делал подполковник А.К. Грессер, более десяти лет возглавлявший управление жандармского штаб-офицера в Ревеле. В донесение за первую половину 1835 г. он включил четырех ландратов и директора гимназии, за вторую половину 1838 г. — правителя губернаторской канцелярии, служащего управы благочиния, командира полубатальона военных кантонистов и двух купцов. Такие донесения обычно умещались на двух — трех листах.

Другие офицеры в первом обстоятельном описании приводили сведения о всех лицах губернии, заслуживающих, по их мнению, «внимания правительства». Рязанский штаб-офицер майор А.Г. Замятин включил в отчет за вторую половину 1838 г. характеристики 52 лиц, в обзор штаб-офицера по Смоленской губернии за первую половину 1833 г. попали 118 человек, объем таких текстов составляет, как правило, от десяти до двадцати рукописных листов. Жандармы нередко

сталкивались с затруднением – какие сведения представить через полгода? Рекомендации из III отделения на этот счет отсутствовали, на что указывает рапорт подполковника Коха из Белостоска от 10 июля 1837 г., который просил дальнейших указаний Бенкендорфа по случаю того, что «успел о всех значительнейших особах донести уже вашему сиятельству, так что... не остается ничего более описывать» [ГАРФ, ф. 109, оп. 12, д. 267е, л. 52]. Из некоторых губерний в течение нескольких полугодий сряду поступали отписки об отсутствии новых сведений, так, в рапорте начальника московского жандармского округа в феврале 1838 г. значилось: «Штаб-офицеры Ярославской, Костромской, Смоленской и Владимирской губерний отозвались, что они к прежним донесениям своим ничего добавить не имеют» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 144]. Другие офицеры пополняли первое донесение краткими справками. Подполковник Гуторов из Олонецкой губернии в июле 1835 г. нашелся добавить только, что гражданский губернатор А.И. Яковлев «по совету медика, уже месяцев пять, вовсе оставил курить трубку» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 30].

Служивший в Нижнем Новгороде подполковник Тиличев в январе 1836 г. представил копию предшествующего донесения, что, очевидно, сошло ему с рук. Когда по прошествии нескольких лет в должности харьковского губернского штаб-офицера он прибегнул к тому же ходу, это привлекло внимание управляющего III отделением. На полях донесения А.Н. Мордвинов написал: «Это кажется от слова до слова то же, что уже он писал прежде» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 24]. Не ясно, последовало ли за этим дополнительное предписание и, в целом, выявлен только один критический отзыв жандармского начальства на полугодовое донесения. В июле 1835 г. служивший в Гельсингфорсе полковник И.Г. Вульферт был уведомлен через начальника округа, что представленные им сведения «совершенно неудовлетворительны» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 139].

Некоторые офицеры писали от руки, другие диктовали текст писарю, положенному по штату губернского управления. Разъяснение этому дано в донесении полковника Марина из Твери: «Рапорт и записка писаны собственною моею рукою и сие изложение известно только мне и сохраняется совершенно в тайне» [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 12]. Порой список лиц заполнялся писарем, а основной текст – офицером, служивший в Риге подполковник П.И. Нотгафт, наоборот, вписывал фамилии и чины своей рукой, а характеристики диктовал.

Заголовки документов различались, расставляя определенные смысловые акценты: «Ведомость о лицах», «О лицах, заслуживающих внимания правительства», «Записка о чиновниках по части управления гражданского и помещиков», «Записка о разных лицах Олонецкой губернии, заслуживающих внимание народное», «Мнение о некоторых лицах, имеющих влияние на других», «Сведения о чиновниках и другого сословия людях», «Замечания о Курской губернии», «С представлением срочной наблюдательной ведомости о лицах» и т.д.

Донесения могли быть оформлены в виде таблицы: в левом столбце указывались «чин, гражданство или степень», в правом – «показания наблюдений». Подполковник Драгневич, служивший в Орловской губернии, представлял тройную ведомость: «чин, имя, фамилия», «действия по службе», «какою пользуется доверенностью в службе». Чаще донесения представляли сплошной текст, логика которого могла быть выстроена по тематическим разделам. Подполковник Тиличев выделял группы «Духовенство», «Чиновники», «Помещики», подполковник Коссинский – «Духовенство», «Внутренняя стража», «Губернское правление». Жандармы часто переводились из одной губернии в другую [Бриль, Зайцев, 2020; Румянцев, 2020] и могли взять за образец формуляр, выработанный предшественником. Так, почти все донесения штаб-офицеров московского округа составлены по единообразной форме таблиц. Другие офицеры писали в своем стиле – подчас весьма узнаваемом – вне зависимости от места службы.

Жандармы по-разному поняли содержательные требования циркуляра 1832 г. Служивший в Митаве полковник П.Х. Эйлер доставлял «Сведения о лицах в Курляндской губернии, кои на окружающих имеют хорошее влияние». В левом столбце он вписывал фамилию и чин, а в правом указывал, «чем именно» выделялось описываемое лицо – «по личным достоинствам» или «по личным достоинствам и богатству» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 1, л. 17–20]. В 1835 г. кроме Эйлера исключительно положительные характеристики доставили штаб-офицеры из Дерпта, Ревеля, Риги и Тулы, напротив, полковник И.Л. Черкасов из Тобольска отдельно выделил служащих, уличенных в «неправде и корыстолюбии» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 49], а вологодский штаб-офицер также остановился только на чиновниках с плохой репутацией [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 147–150]. Чаще положительные и отрицательные характеристики чередуются. Так, в объемистом донесении смоленского штаб-офицера более тридцати лиц отмечены по отрицательным качествам, остальные – с положительной стороны.

Подполковник А.А. Куцинский не нашел лиц, заслуживающих внимания правительства: «В Могилевской губернии, наблюдению моему вверенной, кроме гражданского губернатора Маркова вовсе нет чиновников, которые бы особенными своими достоинствами или богатством могли иметь хорошее или дурное влияние на общество, все это люди весьма обыкновенные, не отличающиеся ни умом, ни связями» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 59]; в дальнейшем, впрочем, штаб-офицер представил более обстоятельные сведения. Капитан Дурново также «не встретил ни одной особы из всех сословий г. Твери, которая имела бы какое-либо особенное влияние на окружающих» [ГАРФ, ф. 109, оп. 12, д. 267е, л. 80].

Основное внимание уделялось деловым качествам служащих, нравственному облику и образу жизни, имущественному положению, общественной репутации. Оценки носят преимущественно односторонний – положительный или отрицательный – характер. Не ограниченные формальными требованиями, жандармы наполняли отчетный документ нешаблонными оборотами, которые позволяют как бы «материализовать» мир гоголевского «Ревизора». Подполковник

Арсеньев предпочитал односложные, но по-своему емкие характеристики, в его донесении за первую половину 1838 г. список из 28 лиц поместился на нескольких листах. О губернаторе А.А. Панчулидзево жандарм сообщил: «Деятелен, прекрасный начальник и живет очень скромно», губернский прокурор, по отзыву жандарма, «более говорит, нежели делает», уголовных дел стряпчий «знающий свое дело и справедлив; но имеет слабость, иногда запоем пьет», председатель гражданской палаты «добрый старик, но слабого здоровья», а один из советников казенной палаты «служит по интересу» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 62–66]. Подполковник Витковский представлял более нюансированные портреты. Под его пером председатель симбирской гражданской палаты статский советник И.Ф. Гудим-Левкович выступал как «старый служивый педант, в высокой степени воображающий себя фениксом ума и оракулом в делах по праву слишком 20-летней службы. Мешается и советует везде, а не видит, что делается в его палате. Хотя самого нельзя утвердительно назвать корыстолюбивым, но нельзя тоже не слышать отзывов, как сильно склонны ко взяткам его подчиненные, чего не видит или не может видеть г. председатель, потому что вместо благодарности сохраняет неудовольствие за предостережения» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245е, л. 136].

Как правило, наиболее обстоятельны сведения о высших должностных лицах, встречаются характеристики ряда генерал-губернаторов. Отзыв подполковника Трегубова о князе Н.А. Долгорукове имеет черты панегирика [ГАРФ, ф. 109, оп. 12, д. 267е, л. 32], полковник Вульферт посчитал себя не вправе оценивать деятельность князя А.С. Меншикова на посту генерал-губернатора Великого княжества Финляндского [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 139]. Напротив, подполковник Куцинский позволил себе резкий выпад в адрес смоленского, витебского и могилевского генерал-губернатора П.Н. Дьякова: «Неспособен к деятельности, в особенности там, где требуется деятельность головы и сердца: угрюм, болезненный, роняет часто свое звание такими выходками, которые не были бы извинительны и в молодом офицере самых маленьких чинов, от чего и имеет дурное влияние на край, управлению его вверенный» [ГАРФ, ф. 109, оп. 14, д. 372е, л. 26].

Обычно жандармы подробно останавливались на фигуре губернатора. В числе положительных качеств начальника губернии отмечались знание делопроизводства, беспристрастность, жесткость к подчиненным и открытость просителям. Таким под пером подполковника Трегубова предстает тульский губернатор генерал-майор Е.А. Зуров: «Справедливость, благонамеренность и отличная способность в управлении губернии, сопряженная с неусыпною деятельностью, приобрели полное уважение всех сословий и отзыв общий людей достойных, что со времени управления генерала Зурова губерния получила новую организацию, улучшения по всем инстанциям присутственных мест» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 75]. Таврический губернатор М.М. Муромцев, по словам полковник П.И. Вадова, «усерден и старателен, по силам возможности; его трудами губернский город видимо украшается, дела идут хорошо и до этого времени жалоб ко мне поступало очень мало. Так же

обязанностью считаю присовокупить, что господин... Муромцев самого добрейшего сердца» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245е, л. 79].

К отрицательным качествам губернаторов жандармы относили бездеятельность, слабохарактерность, отсутствие служебного опыта или покровительство замешанным в злоупотреблениях «неблагонадежным»¹ чиновникам. Таков начальник Курской губернии П.Н. Демидов, который «решительно не вникает ни в какие дела и совершенно не занимается управлением губернии, предоставил все бремя дел в полное распоряжение своих наемников» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 1, л. 36]. Харьковский губернатор князь П.И. Трубецкой «при всем благом направлении образа его мыслей... слишком слаб характером и по совершенному незнанию дел, имея полную доверенность к некоторым корыстолюбивым чиновникам, допускает убеждать себя столь смешными их доводами и суждениями (за неимением основательных), что поневоле заставляет предположить, что он и умом весьма ограничен» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 23].

Другие штаб-офицеры избегали оценивать начальников губерний. Рязанский губернатор В.М. Прокопович-Антонский, по мнению майора Замятина, слишком «известен правительству», и он находил «излишним говорить что-либо более о его достоинствах» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 149]. Из Архангельской губернии поступил отзыв: «Об особах, состоящих в генеральских чинах, я счел себя не вправе делать мое донесение, полагая, что о достоинствах их высшее начальство должно иметь прямые и ближайшие сведения» [ГАРФ, ф. 109, оп. 19, д. 247, ч. 1, л. 4об.].

Кроме начальников губерний, в обзорных донесениях обычно фигурируют вице-губернатор, председатели палат, советники губернского правления, полицмейстер, губернский прокурор, правитель губернаторской канцелярии. В детальные обзоры попадали советники и другие служащие палат, совестный судья, почтмейстер, губернский архитектор, командир внутреннего гарнизонного батальона, инспектор гимназии и другие служащие. В донесениях из университетских городов часто давалась справка на попечителя учебного округа, ректора и отдельных профессоров, в отчетах можно встретить характеристики церковных иерархов, командиров воинских частей. Единичны сведения об уездных чиновниках, в первую очередь, городничих и стряпчих.

Ценный материал к истории местного управления 1830-х гг. дают описания порядка служебных отношений в присутственных местах, включая неформальную иерархию, родственные и дружеские связи или, напротив, борьбу чиновных «партий». Подлинным «хозяином губернии» при слабом губернаторе обычно выступает один из его ближайших помощников — правитель канцелярии или советник губернского правления. Нити управления ускользали из рук вятского губернатора Е.Е. Ренкевича, а «главным руководителем» стал советник губернского правления

¹ В лексиконе жандармов 1830-х гг. термин «благонадежность» скорее относился к нравственным и деловым качествам, нежели описывал политические взгляды.

А.М. Подарин: «Сей чиновник вреднейший человек» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 1, л. 97]. При нижегородском военном губернаторе генерал-майоре М.П. Бутурлине такая роль также досталась советнику губернского правления — Ф.И. Москвину, который «по губернии самый могущественный человек! И редко кто может так общественно быть ненавидим как он» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 1, л. 106].

В присутственных местах роль председателя также могла быть номинальной. В новгородской палате гражданского суда делами заведовал Ф.В. Васильев, «секретарь по способностям и по образованию в полном смысле. Влияние его на гражданскую палату столь значительно, что в нем сосредоточивается вся сущность оной». «По уговору с господином гражданским губернатором и с пособием его» жандармский подполковник П.И. Шварц «принимал клятвенные меры к удержанию его в возможных границах корыстолюбия! ибо он нажил уже три дома и довольно богат» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 136]. В курской казенной палате всеми делами «управляет советник хозяйственного отделения... [И.И.] Пономарев, чиновник знающий, но по отзывам не совсем благонамеренный и хитрый» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245е, л. 54].

Не ограничиваясь сведениями о лицах, некоторые жандармы давали описание общего положения дел в гражданском управлении. Из Оренбургской губернии пришел отзыв: «Ум и просвещение никакого влияния на чиновников гражданских сделать не может, их все стремление простирается только к богатству, несмотря на средство приобретения» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 1, л. 92]. Подробный аналитический обзор управления Казанской губернии представил в июле 1833 г. полковник Н.Д. Булыгин, озаглавив донесение «О некоторых предметах, относящихся до Казанской губернии». Он также убедился, что «служащие в губернии вообще смотрят на гражданскую службу как на ремесло, доставляющее им выгоды, следовательно, они не упускают ни одного случая к приобретению денег различными вымогательствами, как то медленностью и устрашением» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 1, л. 52].

В донесениях 1830-х гг. почти не находится места общественным взглядам и политической благонадежности чиновников. В отчетах штаб-офицеров остзейских губерний неизменные указания на преданность правительству больше походят на формулу служебного этикета. Служивший в Дерпте подполковник К.К. Эренстольпе неизменно оканчивал свои характеристики схожими оборотами, как то: «Что же касается до его преданности Государю и Правительству, то я смело могу уверить, что она в полной мере истинна и чистосердечна» [ГАРФ, ф. 109, оп. 12, д. 267е, л. 22].

В донесениях из «дворянских» губерний обычно обрисована фигура губернского и уездных предводителей дворянства, крупных помещиков. В списки часто попадали богатые купцы, в первую очередь, городские головы. Роль женщин эпизодически прослеживается через влияние на мужей, только подполковник Ковальский из Тамбова посчитал нужным отметить: «К числу главнейших лиц можно причислить здесь женщин, как то генерал-майоршу Андреевскую урожденную Пашкову,

коллегскую советницу Тимофееву урожденную графиню Воронцову и вдову фабрикантку Леон урожденную Арапову — они по богатству, связям, уму и образованию имеют влияние с хорошей стороны на чиновников высшего звания и на окружающих дворян» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 27]. Отдельных характеристик представителей податных сословий — мещан, крестьян — в донесениях не встречается.

Штаб-офицеры не имели платных агентов, им было запрещено требовать дело-производство и наводить справки в присутственных местах. Основным источником сведений служили собственные наблюдения при ежедневном общении и объездах губернии, как писал подполковник Тиличев, «я имел прямые доказательства и видел факты, убедившие меня в том» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 23]. Другой штаб-офицер указывал: «Описание, сделанное мною... совершенно согласно с мнениями некоторых из местных жителей, вполне заслуживающих уважения и доверия, которые свои суждения основывают на неоднократных случаях, которым они сами были свидетелями» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 1, л. 39об.]. Жандармы часто ссылались на «общее мнение», «толки», «слухи», «молву», встречаются обороты: «по отзывах как губернского начальства, так и вообще всей публики» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 15], «о чем носится общая достоверная молва» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245е, л. 151]. Полковник Вульферт подчеркивал: «Сведения о чиновниках, служащих в отдаленнейших губерниях Финляндии, почерпнуты из общего о них в публике мнения» [ГАРФ, ф. 109, оп. 12, д. 267е, л. 29].

В подтверждение наклонности к лихоимству порой приводились указания на несоответствующий жалованью образ жизни и приобретение дорогостоящего имущества. Руководствуясь такими соображениями, полковник А.Ф. Дейер донес о тверском вице-губернаторе Д.С. Крылове: «Человек весьма ограниченный, не знающий своего дела, слабый в управлении и не чужд лихоимства, что можно видеть и по жизни его, ибо удовлетворение прихотей доказывает, что деньги достаются легко» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 2, л. 144]. Этот подход обобщил штаб-офицер из Могилева: «Чиновник алчный к приобретениям без разбора не может скрыть возрастающего его состояния, сама судьба кажется влечет его к улике. По мере как оно прибывает — изменяется и образ его жизни: меблируется дом, заводится прислуга, экипаж, лошади, жена является на всех церковных праздниках самой модной заголихой, выставляя себя на показ. Невольным образом такой чиновник заставляет следовать за его поступками» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 1, л. 147].

Бенкендорф наставлял подчиненных выступать в роли беспристрастных наблюдателей, не причастных к местным интригам, и требовал «достоверных» описаний. Офицеры стремились лишней раз подчеркнуть, что ими руководствовал служебный долг вне личного интереса. Поручик Лихачев писал из Тулы, «основываясь на беспристрастном отзыве людей достойных и доверенных, стараясь как только можно следовать истине» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 21]. Подполковник А.О. Иолшин сознавался: «Слабые мои способности может быть не

дозволят мне согласно пламенного усердия изложить ясно и удовлетворительно сделанные замечания, но... справедливость и беспристрастие в строгом смысле мною руководствовало» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 1, л. 90]. Другой офицер свои донесения «старался всеми способами составить по чистой совести и как можно вернее, и к описанию... приступал не без страха, потому что как человек очень мог ошибиться в моих заключениях о себе подобных» [ГАРФ, ф. 109, оп. 19, д. 247, ч. 14, л. 2].

Впрочем, как отмечал А.В. Ремнев, жандармы неизбежно втягивались в чиновничьи интриги [Ремнев, 1995]. Субъективность донесений подчеркивает тот факт, что офицеры порой расходились в оценках. Так, в 1835 г. первые шаги курского военного губернатора генерал-майора М.Н. Муравьева получили полное одобрение: «Ныне в губернском правлении, в уголовной и казенной палатах дела приведены в ясность, дан им быстрый ход, во всем видна строгая отчетность и просители находят суд и расправу» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 80]. Следующий штаб-офицер оценил губернатора иначе: «Отсутствие г. генерал-майора Муравьева чиновники и граждане города Курска считают для себя успокоением... ибо считают его управление тягостным и чрезмерно взыскательным, а так как его превосходительство вообще не любим, то назначения нового начальника губернии ожидают как благоденствия» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 80]. В донесении по Харьковской губернии за первую половину 1838 г. подполковник Тиличев обрушился на председателя уголовной палаты отставного генерал-майора Н.А. Ромашова, который «заодно с советником и секретарем, из видов корысти, не только что потворствуют всем подвергшимся суждению уголовной палаты преступным чиновникам, но они еще сверх того явно покрывают даже и всех уличенных следствием воров», и «вся харьковская уголовная палата есть не что иное, как вертеп разбойников» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 26]. Полковник Кокушкин через полтора года сменил тональность оценок: «Ромашов ведет самую скромную жизнь даже до скупости, без дальнего образования и ума от природы ограниченного, по должности своей не имеет нужных познаний и зависит в производстве от секретаря палаты» [ГАРФ, ф. 109, оп. 14, д. 372е, л. 25].

Отношения жандармов и губернской администрации нередко становились полем конфликта, отголоски которого проступали в оценках и тоне письма. В начале января 1839 г. на новогоднем балу в симбирском дворянском собрании между губернатором Н.И. Комаровым и жандармским подполковником Витковским произошло личное столкновение [ГАРФ, ф. 109, оп. 14, д. 76]. В полугодовом донесении Комаров был выведен как «довольно умный и весьма хитрый человек»; «впрочем, — добавлял Витковский, — изложить определительное мнение затрудняюсь, по причине, что служу с ним недавно и из боязни, чтобы не причтено было что-либо личной происшедшей между нами неприятности» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 136]. Не все офицеры так откровенны. В донесении за вторую половину 1837 г. полковник К.Я. Флиге уничижительно отозвался о личных и служебных качествах минского губернатора князя С.И. Давыдова, который «не пользуется ни любовью,

ни уважением, ни расположением, даже никто его не боится!» [ГАРФ, ф. 109, оп. 12, д. 267е, л. 163]. Между тем, в Петербурге было известно о служебном противостоянии штаб-офицера и начальника губернии: виленский генерал-губернатор Н.А. Долгоруков занял тогда сторону Давыдова, и Флиге был переведен в Черниговскую губернию [ГАРФ, ф. 110, оп. 2, д. 717].

Характеристики из донесений подчас уничижительны и карикатурны, но жандармы почти не позволяли себе рекомендаций об увольнении или переводе чиновников. Выделяется похожее на вопль отчаяния обращение подполковника Тиличеева об упомянутом выше председателе харьковской уголовной палаты и его подчиненных: «Я решаюсь и сам собою ходатайствовать теперь о скорейшем удалении от должностей: председателя Ромашова и двух соучастников его: советника [И.А.] Козловского и секретаря [С.И.] Буймистрова, с тем, чтобы сии два последние, как уже явно по совести уличенные в соучастии с ворами, нигде в службе себе места сыскать не могли. Я усерднейше умоляю о сем благодетельное Правительство, вместе со всеми благомыслящими гражданами Харьковской губернии... Мне скажут, может быть, что переменить разом почти всех членов присутственного места слишком затруднительно! — так удалите же хоть одного только председателя, ради Христа и самого Бога» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 245д, л. 30]. Еще реже жандармы просили о протекции заслуженному чиновнику. «Осмеливаюсь низайше утруждать ваше сиятельство достойному сему человеку оказать высокое покровительство ваше», — обратился к Бенкендорфу майор Михалевич в январе 1834 г., указывая на службу советника моголевского губернского правления О.А. Климовича, представленного на должность прокурора. На донесении стоит резолюция: «О Климовиче писать министру юстиции» [ГАРФ, ф. 109, оп. 8, д. 397е, ч. 2, л. 147].

В Петербурге с полугодовыми донесениями знакомился управляющий III отделением А.Н. Мордвинов, в марте 1839 г. в этой должности его сменил Л.В. Дубельт. На большинстве донесений стоят росписи «убрать», «к сведению» или «к делу», более содержательные бумаги передавались Бенкендорфу, но пометок шефа жандармов не встречается. С отдельными донесениями был ознакомлен Николай I, в том числе по Курской и Харьковской губерниям за 1835 г. На донесении полковника Черкасова из Тобольска сохранилась высочайшая резолюция: «Хорошо бы сообщить М.[инистру] В.[нутренних] Д.[ел] и Ф.[инансов]» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 47].

Донесения за год подшивались в одно дело, составлялся алфавитный список упоминаемых лиц. В III отделении эти ведомости служили в качестве картотеки, где наводились справки, в том числе, по запросу министерств. Сведения из жандармских записок направлялись также для оповещения подлежащих ведомств. Работа была выстроена в определенном порядке. Знакомясь с донесениями, управляющий III отделением делал пометки напротив отдельных характеристик, после чего соответствующие экстракты в виде записки за подпись шефа жандармов передавались министру, по ведомству которого служил чиновник. Источник сведений обычно был скрыт («получено частным путем»). Как писал

Бенкендорф, «эти описания передаю я министрам по принадлежности, которые, и в особенности министр финансов, всегда принимают с благодарностью» [Оржеховский, 1982, с. 52]. Реже сведения передавались генерал-губернаторам. При Мордвинове из III отделения ежегодно направлялось до 10 таких отношений, при Дубельте их поток растет.

В архиве Министерства юстиции дела по запискам шефа жандармов выделены в отдельную коллекцию («секретное делопроизводство канцелярии Министерства юстиции»), что позволяет проследить ведомственную судьбу документов. Многие отношения принимались «к сведению» и сдавались в архив. В других случаях министр давал указания о проведении проверки, которая могла привести к кадровым перестановкам. На донесении полковника Кокушкина из Харькова от 2 января 1840 г. Дубельт оставил распоряжение «сообщить по принадлежности о неблагонадежных». 7 февраля министру юстиции В.Н. Панину была направлена записка за подписью Бенкендорфа о губернском прокуроре Первове: «Замечен в корыстолюбии по занимаемой им должности и непозволительном ходатайстве со стороны его в присутственных местах по частным делам для извлечения в пользу свою выгод», «уездных стряпчих облагает годовой платой за места ими занимаемые» и в результате «в продолжение служения его там полтора года живет роскошно и приобретает покупкою земли» [РГИА, ф. 1405, оп. 534, д. 174, л. 18]. Панин распорядился уведомить малороссийского генерал-губернатора князя Н.А. Долгорукова с просьбой провести негласную проверку. Отзыв Долгорукова клонился не в пользу прокурора, который «завел связи с многими чиновникам и по этой причине не только не останавливает, напротив, сам некоторым образом способствует неудовлетворительному ходу дел, замечаемому вообще в губернии». «К пресечению сего, — полагал Долгоруков, — по мнению моему, не излишне перевести г. Первова в другую губернию, где он может быть еще полезен». Чиновник получил назначение в Курск, где, видимо, служил без нареканий, но в 1848 г. министр предписал: «Первов не может быть удостоиваем производства за отличие или орденом, пока обвинения, на него возводимые, не будут совершенно устранены» [РГИА, ф. 1405, оп. 534, д. 174, л. 24].

В мае 1836 г. Бенкендорф уведомил министра юстиции Д.В. Дашкова, что екатеринославский губернский прокурор Розинг «совершенным знанием своего дела, деятельностью, бескорыстием и примерным поведением приобрел себе всеобщее уважение» [РГИА, ф. 1405, оп. 534, д. 140, л. 3], — впрочем, положительные отзывы в этих делах единичны.

Производство таких дел оставалось на усмотрение министра, который только уведомлял шефа жандармов о результатах проверок. Как писал в этой связи Бенкендорф в 1843 г., «по донесениям сим никогда не делается решительных распоряжений и о сведениях, заслуживающих уважения, сообщается гг. министрам и другим начальствующим лицам по принадлежности, следовательно, если бы кто из штаб-офицеров доставил не вполне основательные сведения о каком-либо чиновнике, то сведения сии будут поверены и очищены

начальством того чиновника» [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 24]. Дела о злоупотреблениях чиновников на основании одних только полугодовых донесений III отделения не заводило.

Такой порядок снимал с жандармов ответственность за достоверность информации. Иногда, впрочем, им приходилось отвечать за свои слова. В 1837 г. в Министерство внутренних дел и III отделение поступили неблагоприятные сведения об исправлявшем должность новгородского гражданского губернатора генерал-майоре П.Л. Суковкине, при котором «беспорядок в управлении губернией, как утверждают, допущен до того, что в присутственных местах без платы ничего сделать невозможно, а «сам губернатор причастен всем незаконным действиям» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 1, л. 1]. Между тем, в донесениях новгородского штаб-офицера подполковника П.И. Шварца значилось, что Суковкин «имеет значительное влияние как по званию начальника губернии, так и по личным нравственным достоинствам, правдивой прямоте действий, преданности службе и чрезвычайной деятельности» [ГАРФ, ф. 109, оп. 10, д. 295е, л. 134]. Бенкендорф потребовал от Шварца, «устранив всякое пристрастие, со всю откровенностью и сколь возможно поспешнее уведомить..., до какой степени могут быть справедливы получаемые о Суковкине донесения», — и предупреждал: «Ежели и после сего обнаружится, что донесение ваше не будет основано на истине и строгом беспристрастии, то вся ответственность падет непременно на вас, как на чиновника, который предпочитал личную выгоду пользе общественной» [ГАРФ, ф. 109, оп. 13, д. 1, л. 1]. Штаб-офицер не стал отречься от своего мнения. Впоследствии злоупотребления губернатора подтвердила ревизия сенатора Б.Я. Княжнина, Шварц был временно отстранен от должности губернского штаб-офицера, но позже получил назначение в Тверь.

В 1843 г. служащие III отделения провели ревизию делопроизводства по циркуляру 1832 г. В справке, составленной Дубельтом для шефа жандармов, значилось, что из кавказского и сибирского округов полугодовые донесения не поступали, «ибо округа сии учреждены после рассылки... циркуляра», «донесения также вовсе не представляются из губерний: Архангельской, Псковской, Новгородской, Полтавской, Херсонской, Екатеринославской, Нижегородской, Вятской, Казанской, Оренбургской и Пензенской, из Финляндии, Бессарабской области и города Одессы». Управляющий III отделением полагал, что «некоторые штаб-офицеры, вероятно, забывали исполнять эту обязанность, а последующие за ними штаб-офицеры не видели примеров сего исполнения в делах предместников». Дубельт признал также, что «и те штаб-офицеры, от которых получают означенные донесения, представляют оные не все каждые полгода, а иные через год, другие через два года и при том весьма небрежно, в виде списка, с самыми краткими отметками, не дающими, в случае справки, никакого понятия о характере и значении лиц, находящихся в губерниях» [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 17–18].

26 июня 1843 г. начальникам округов было разослано предписание шефа жандармов с требованием повторно разослать губернским штаб-офицерам

циркуляра 1832 г., «подтвердив им о непременном представлении означенных донесений в установленные сроки и составлении оных в точности по правилам того циркуляра, таким образом, чтобы по донесениям их, в случае справки, можно было определенно судить о качествах и значении замечательнейших лиц в губернии» [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 19]. Более ясных наставлений вновь не последовало. С начала 1844 г. донесения поступали относительно регулярно, включая губернии кавказского и сибирского округов [ГАРФ, ф. 109, оп. 19, д. 247]¹.

Очередное предписание последовало в ноябре 1856 г. за подписью В.А. Долгоорукова, утвержденного за несколько месяцев до этого в должности шефа жандармов. Долгоуков обозначил круг лиц, сведения о которых ожидали получить в III отделении: начальник губернии, комендант, вице-губернатор, председатели всех палат, губернский прокурор, батальонный командир внутренней стражи, штаб-офицеры инженеров и путей сообщения, губернский почтмейстер, директор гимназии, полицмейстер, инспектор врачебной управы, губернский предводитель дворянства, уездные предводители, почетный попечитель училищ и совестный судья. «Сверх того, — добавлял Долгоуков, — ежели в губернии находится какое-либо замечательное лицо, по своему положению, уму, богатству и влиянию на общество, то и о нем доставить сведение, хотя бы лицо это была и женщина» [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 28–29]. В 1858 г. шеф жандармов дал указание непременно писать «о начальниках губернии, о их действиях и общем мнении, каким они пользуются в губернии» [ГАРФ, ф. 109, оп. 7, д. 434, л. 32].

Составление полугодовых донесений входило в круг служебных обязанностей губернских штаб-офицеров до начала 1870-х гг., когда в качестве основной формы отчетности их заменили политические обозрения губерний.

Привлечение полугодовых донесений жандармских штаб-офицеров в качестве источника по истории местного управления должно предполагать критический и нюансированный подход к их содержанию. Донесения являлись документом обязательной отчетности, однако список формальных требований к ним оставался ограниченным, жандармы были свободны в выборе формата и стиля письма. Подтверждать наблюдения ссылками на документы не полагалось, источниками донесений служили личные наблюдения, толки и слухи и штаб-офицеры не несли прямой ответственности за достоверность представляемых сведений. В результате характеристики губернских служащих и помещиков субъективны, часто отражают личные симпатии и антипатии и могут нести отголосок негласного противостояния жандармов с губернаторами и другими служащими. Не случайно в III отделении предпочитали не заводить дел о злоупотреблениях чиновников на основании одних полугодовых донесений, а передавали значимые сведения на усмотрение министров. Но и таким опосредованным путем жандармы могли посредством

¹ Из 3-го (варшавского) округа полугодовые донесения в Петербург не поступали.

полугодových донесений оказывать определенное влияние на кадровый состав губернских администраций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бибиков Г.Н. Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. III. № 2. С. 79–108.

Бибиков Г.Н. Полугодовые отчеты губернских жандармских штаб-офицеров: к характеристике источника // *Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов Сио-2016*. М.: РОССПЭН, 2016. С. 55–58.

Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 480 с.

Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Политическая полиция в Костромской губернии и её кадровый состав в 1826–1867 годы // *Вестник Костромского государственного университета*. 2020. Т. 26. № 1. С. 221–227.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 207.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 383.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 128.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 434.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 397е.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 10. Д. 185.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 10. Д. 295е.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 12. Д. 267е.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 1.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 245д.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 245е.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 249е.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 14. Д. 76.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 14. Д. 372е.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 247.

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 157.

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 717.

Дамешек Л.М., Кодан С.В., Шавров А.В. Материалы жандармских ревизий 1828–1832 гг. как источник изучения деятельности сибирского аппарата управления //

Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1988. С. 118–126.

Деревнина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России. Дисс. ... к.и.н. М., 1973. 232 с.

Журналы Комитета учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 74. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. 502 с.

Зайончковский П.А. Губернская администрация накануне Крымской войны // *Вопросы истории.* 1975. № 9. С. 33–51.

История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 3. СПб.: Сенатская типография, 1911. 712 с.

Камзолова А.А. «Охранение» Российской империи на Западном рубеже: «литовские губернии» и российско-прусская граница в 1830-е–начале 1840-х гг. // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского.* 2018. № 2. С. 64–124.

Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М.: Территория будущего, 2006. 442 с.

Матханова Н.П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // *Источники по русской истории и литературе. Серия «Археография и источниковедение Сибири».* Вып. 19. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 204–236.

Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России. 1826–1880. М.: Наука, 1982. 207 с.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. 237 с.

Романов В.В. Надзор за состоянием и деятельностью института губернаторов – функция политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг. // *Правозащитная политика в современной России. К 20-летию Основного закона государства (сборник по материалам круглого стола и всероссийской научно-практической конференции).* Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2014. С. 124–131.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 534. Д. 140. РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 174.

Румянцев П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // *Вестник Томского государственного университета.* 2020. № 457. С. 141–149.

Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. М.: «Чарли», 1997. 748 с.

REFERENCES

- Bibikov G.N. Nadzor III otdeleniya za chastnoi zhizn'yu gubernskikh chinovnikov (1820–1830-e gg.) [The Third Section's Oversight of the Private Life of Provincial Officials(1820–1830s)], in *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2019. Vol. III. No 2. Pp. 79–108 (in Russian).
- Bibikov G.N. Polugodovye otchety gubernskikh zhandarmskikh shtab-ofitserov: k kharakteristike istochnika [Semi-annual reports of the provincial gendarme headquarters officers: to the description of the source], in *Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkhografii, istochnikovedeniya, rossiiskoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni. Sbornik materialov Shestoi mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov Clio-2016* [Historical documents and topical problems of archeography, source study, Russian and general history of modern and contemporary times. Collection of materials of the Sixth International Conference of Young Scientists and Specialists Clio-2016]. Moscow: ROSSPEN, 2016. Pp. 55–58 (in Russian).
- Biktasheva A.N. *Antropologiya vlasti: kazanskie gubernatory pervoi poloviny XIX veka* [Anthropology of power: Kazan governors of the first half of the 19th century]. Moscow: Novyi khronograf, 2012. 480 p. (in Russian).
- Bril' G.G., Zaitsev L.N. Politicheskaya politsiya v Kostromskoi gubernii i ee kadrovyyi sostav v 1826–1867 gody [Political police in the Kostroma province and its staff in 1826–1867], in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. Vol. 26. No 1. Pp. 221–227 (in Russian).
- State archive of the Russian Federation (GARF). F. 109. Inv. 2. D. 207.
- GARF. F. 109. Inv. 2. D. 383.
- GARF. F. 109. Inv. 3. D. 128.
- GARF. F. 109. Inv. 7. D. 434.
- GARF. F. 109. Inv. 8. D. 397e.
- GARF. F. 109. Inv. 10. D. 185.
- GARF. F. 109. Inv. 10. D. 295e.
- GARF. F. 109. Inv. 12. D. 267e.
- GARF. F. 109. Inv. 13. D. 1.
- GARF. F. 109. Inv. 13. D. 245D.
- GARF. F. 109. Inv. 13. D. 245e.
- GARF. F. 109. Inv. 13. D. 249e.
- GARF. F. 109. Inv. 14. D. 76.
- GARF. F. 109. Inv. 14. D. 372e.
- GARF. F. 109. Inv. 19. D. 247.
- GARF. F. 110. Inv. 2. D. 157.
- GARF. F. 110. Inv. 2. D. 717.

- Dameshek L.M., Kodan S.V., Shavrov A.V. *Materialy zhandarmskikh revizii 1828–1832 gg. kak istochnik izucheniya deyatel'nosti sibirskogo apparata upravleniya* [Materials of gendarme inspections 1828–1832 as a source for studying the activities of the Siberian administrative apparatus], in *Istochniki po istorii obshchestvennoi mysli i kul'tury epokhi pozdnego feodalizma* [Sources on the history of social thought and culture of the late feudalism era]. Novosibirsk: Nauka: Siberian branch, 1988. Pp. 118–126 (in Russian).
- Derevnina T.G. *III otdelenie i ego mesto v sisteme gosudarstvennogo stroya absolyutnoi monarkhii v Rossii* [Third Section and its place in the administrative system of the absolute monarchy in Russia]. PhD. Dissertation. M., 1973. 232 p. (in Russian).
- Zhurnaly Komiteta uchrezhdennogo Vysochaishim reskriptom 6 dekabrya 1826 goda [Journals of the Committee established by the Highest Rescript on December 6, 1826], in *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg.: M.M. Stasyulevich Publ., 1891. Vol. 74. 502 p. (in Russian).
- Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za dvesti let* [History of the Governing Senate over two hundred years]. St. Petersburg.: Senat Publ., 1911. Vol III. 712 p. (in Russian).
- Zaionchkovskii P.A. *Gubernskaya administratsiya nakanune Krymskoi voiny* [Provincial administration on the eve of the Crimean War], in *Voprosy istorii*. 1975. No 9. Pp. 33–51. (in Russian).
- Kamzolova A.A. "Okhranenie" Rossiiskoi imperii na Zapadnom rubezhe: "litovskie gubernii" i rossiisko-prusskaya granitsa v 1830-e–nachale 1840-kh gg. ["Safeguarding" the Russian Empire on the Western Frontier: "Lithuanian Provinces" and the Russian-Prussian border in the 1830s–early 1840s], in *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*. 2018. No 2. Pp. 64–124 (in Russian).
- Kizevetter A.A. *Istoricheskie ocherki* [Historical sketches]. Moscow: Territoriya budushchego, 2006. 442 p. (in Russian).
- Matkhanova N.P. *Gubernatorskie otchety i zhandarmskie doneseniya kak istochnik po istorii rossiiskogo provintsial'nogo chinovnichestva serediny XIX veka* [Governor's and gendarme reports as a source on the history of Russian provincial bureaucracy in the mid-19th century], in *Istochniki po russkoi istorii i literature. Seriya "Archeografiya i istochnikovedenie Sibiri"* [Sources on Russian history and literature. Series "Archeography and Source Study of Siberia"]. Vol. 19. Novosibirsk: Siberian branch of RAS Publ., 2000. Pp. 204–236 (in Russian).
- Orzhekhovskii I.V. *Samoderzhavie protiv revolyutsionnoi Rossii. 1826–1880* [Autocracy against revolutionary Russia. 1826–1880]. Moscow: Nauka, 1982. 207 p. (in Russian).
- Remnev A.V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoi polovine XIX veka* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk University Publ., 1995. 237 p. (in Russian).
- Romanov V.V. *Nadzor za sostoyaniem i deyatel'nost'yu instituta gubernatorov – funktsiya politicheskoi politsii Rossiiskoi imperii v 1826–1860 gg.* [Supervision over the state and activities of the institute of governors as a function of the political police of the Russian

Empire in 1826–1860], in *Pravozashchitnaya politika v sovremennoi Rossii. K 20-letiyu Osnovnogo zakona gosudarstva (sbornik po materialam kruglogo stola i vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii)* [Human rights policy in modern Russia. To the 20th anniversary of the Basic Law of the State (collection based on the materials of the round table and the All-Russian scientific and practical conference)]. Ul'yanovsk: Ilya Ulyanov State Pedagogical University Publ., 2014. Pp. 124–131 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1405. Inv. 534. D. 140.

RGIA. F. 1405. Inv. 534. D. 174.

Rumyantsev P.P. Zhandarmskie shtab-ofitsery i nachal'niki gubernskogo zhandarmского управления v Tomskoi gubernii: praktika naznacheniya i sotsial'nyi portret [Gendarme Staff Officers and Heads of the Provincial Gendarme Administration in Tomsk Province: The Practice of Appointment and the Social Portrait], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. No 457. Pp. 141–149 (in Russian).

Shil'der N.K. *Imperator Nikolai I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I. His life and reign]. Moscow: "Charli", 1997. Vol. I. 748 p. (in Russian).